

**Елена Васильевна
ПЕРЕПЕЛИЦА,**

старший научный
сотрудник
Управления правовой
информатизации
Национального центра
правовой информации
Республики Беларусь,
ассоциированный член
Международного научно-
образовательного центра
«Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным,
культурным и
информационным правам
НИУ «Высшая школа
экономики»,
кандидат юридических
наук, доцент
perepelinka@gmail.com
220030, Республика
Беларусь, г. Минск,
ул. Берсона, д. 1а

Общественно-государственное взаимодействие в матрице реальностей

Аннотация. Основной пафос статьи в том, чтобы показать, что та реальность, в которой мы живем, вместе со многими неизвестными прежде опасностями дала ошеломляющие возможности, которых не знали предыдущие поколения. Изменился способ коммуникации, и это вселяет надежду на восстановление утраченных или не найденных связей между государством и обществом. Живое взаимодействие представляющих их акторов — важный маркер открытого правительства. Концепт открытого правительства оказался сложно прививаемым в большинстве стран с переходной экономикой преимущественно потому, что за основу его реализации этими странами взяты рецепты юридической догматики, открытые в определенной эпохе, культуре, контексте. Для исторически прошлого юридического мировоззрения вполне органичными были интерпретации государства как субъекта управляющего воздействия, набора управленческих структур, а общества — как объекта такого воздействия. При этом государство вполне обходилось без коммуникации с обществом. Цифровой мир постиндустриальной эпохи изменил привычное положение вещей, придал новый облик и обществу, и государству. Матрица реальностей не оставляет неизменными догматические истины о государствоцентричном характере права, закрытом характере публичной власти, одностороннем влиянии государства на общество, правовом взаимодействии представляющих их акторов. Эти положения нуждаются не во внешней и ритуальной стилизации к велениям сегодняшней цифровой моды, а во взвешенной динамической репрезентации.

Ключевые слова: цифровой мир, реальность, юридическая догматика, информационное право, сетевые средства коммуникации, познавательная парадигма, взаимодействие, мировоззренческие установки, публичная власть, общество, сетевые акторы, эпистемология, диалог, горизонтальная коммуникация, легитимность, доверие.

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.074-082

HELENA V. PEREPELITSA,

Senior Researcher of the Legal Informatization
of the National Center of Legal Information
of the Republic of Belarus,
associated member of the UNESCO Chair
on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights of the
National Research University «Higher School of Economics»
Cand. Sci. (Law), Associate professor
perepelinka@gmail.com
1a, ul. Berson, Minsk, Republic of Belarus, 220030

Public and State Interaction in the Matrix of Realities

Abstract. *The main pathos of the article is to show that the reality in which we are doomed to live, together with many previously unknown dangers, has provided stunning opportunities that previous generations did not know. The way of communication has changed, and this revives the hope for the restoration of lost or not found links between the state and society. The live interaction of the actors representing them is an important marker of open government. The concept of open government turned out to be difficult to instill in most countries with economies in transition, mainly because the recipes of legal dogmatics discovered in a certain era, culture, and context are taken as the basis for its implementation by these countries. For the historically past legal worldview, interpretations of the state as a subject of control influence, a set of management structures, and society as an object of such influence were quite organic. At the same time, the state completely dispensed with communication with society. The digital world of the post-industrial era has changed the usual state of affairs, given a new look to both society and the state. The matrix of realities does not leave unchanged the dogmatic truths about the state-centric nature of law, the closed nature of public authority, the unilateral influence of the state on society, and their legal interaction. These provisions do not need external and ritual stylization to the dictates of today's digital fashion, but a balanced dynamic representation.*

Keywords: *digital world, reality, legal dogmatics, information law, network means of communication, cognitive paradigm, interaction, ideological attitudes, public authority, society, network actors, epistemology, dialogue, horizontal communication, legitimacy, trust.*

У каждого исторического времени — свои приметы. Бытийную определенность нынешнего времени выражают такие термины, как технологизация, виртуализация, цифровизация. Эти знаковые термины прочно вошли в повседневный обиход, получили номинацию в научном лексиконе, но при этом их содержание нельзя считать вполне устоявшимся. Для любого инновационного понятия утверждается собственное пространство смыслов, которые по-своему фиксируют разные области знания, «каждое слово пахнет контекстом

и контекстами, в которых оно живет своею социально напряженной жизнью»¹. Жанровое толкование «заданной» реальности во всякой предметной сфере может быть своим.

Техническая эволюция предоставила в распоряжение человека потрясающие технологии, не имеющие аналогов в истории, что, в свою очередь, послужило основой для ускорения множества процессов, фантастического материального комфорта. Изобилие информации создает иллюзию, будто нынешнее поколение находится в более привилегированном положении, чем прошлое. Наши предки не имели такой власти над временем и пространством, какую дали человеку информационные технологии в их нынешнем виде. Но опасная ошибка состоит в прельщении оптимизмом технологического прогресса. Погоня за новациями часто оборачивается зависимостью от них же, «техника делает мир хрупким»².

Созидательные и разрушительные возможности цифрового мира явились настоящим вызовом для юридических практик и применяемых в праве познавательных парадигм, поскольку и тому, что называется практикой, и тому, что называется парадигмой, свойственна определенная мера статичности. Некоторые юридические догмы, сформированные, главным образом, позитивистской методологией как производившей их основой, оказались брошенными в пучину переоценок. Скажем, потребовал уточнений подход к государственному суверенитету как верховенству власти на определенной территории. Экстерриториальное виртуальное пространство колеблет суверенитет, как бы размывает его границы. «Глобальный характер цифровизации обуславливает признание новой цифровой реальности на международном уровне и требует принятия необходимых мер по обеспечению цифрового, информационного и в целом правового суверенитета, адаптации к ней действующей системы права»³.

Трудно артикулировать в качестве законченной истины формально-юридический подход к правосубъектности, указывающий на принадлежность субъектов права к правовой системе и возможность использования ее ресурсов этими субъектами. Данное положение привязано к доцифровой реальности, за пределами которой ее смысл во многом теряется. «Цифровая реальность видоизменяет и расширяет пространственно-временные рамки функционирования правовой системы, в связи с чем субъекту права все труднее использовать ее ресурсы в заданном правовом порядке»⁴. Достаточно долго не подвергался пересмотру

¹ Бахтин М. М. Слово в романе. СПб. : Пальмира, 2017. С. 105.

² Исаев И. А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). М. : Проспект, 2021. С. 331.

³ Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году» (принято на заседании Конституционного Суда Республики Беларусь 11 марта 2021 г. // URL: ks.qov.by/document-69753 (12 января 2022 г.).

⁴ Вершок И. Л. Субъект цифровой реальности: теоретико-правовые вопросы // Информационные технологии и право: правовая информатизация — 2021 : сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 111.

государствоцентричный характер права. Само право оценивалось как «система общеобязательных, установленных или санкционированных государством норм»⁵.

В недавнем прошлом подобные догматические определения вполне себя оправдывали. Но, будучи оторванными от породивших их культуры, контекста, они оказались поставленными под сомнение. Сказанное не означает, что пришло время расстаться с юридическими канонами, а запасы знания вдруг оскудели, потребовали ревизии. Довольно часто происходит внешняя стилизация избитых истин к велеанию цифровой моды. Важно находиться в постоянном трезвении, делать усилия по поиску новой эпистемологии при сохранении самобытных научных традиций.

Едва ли не главная и самая грандиозная перемена, связанная с технологическим прогрессом, это перемена способа коммуникации. Не без оснований данный критерий употреблен М. Маклюэном при типологической градации естественно-исторического процесса. Задолго до открытия цифровых технологий он писал: «Мы живем в Эпоху Информации и Коммуникации, поскольку электрические средства коммуникации мгновенно и непрерывно создают тотальное поле взаимодействующих событий, в котором участвуют все люди. Теперь мир публичного взаимодействия обладает такой же инклюзивной всеохватностью интегральной взаимной игры, которая до сих пор характеризовала только наши частные нервные системы»⁶.

Хотя новый способ коммуникации сопряжен с тревогами и серьезными рисками, все же он оживил некоторые надежды. Среди них — надежда на трансцендентально новые пути решения вопроса о взаимной отчужденности государства и общества, т.е. пути, которые юридическая наука ищет на протяжении столетий. На этот вопрос нельзя ответить раз и навсегда, каждое государство отвечает на него по-своему.

Сетевые средства коммуникации создают условия такого сближения донныне изолированных и автономных акторов, какого не позволял ни один исторически прежний способ социального взаимодействия. Электронные сервисы предлагают общаться на расстоянии, не покидая стен своего дома или офиса. С помощью современных технологий выстраиваются мосты для научного, культурного, экономического сотрудничества. Тем не менее было бы упрощением полагать, что избыток коммуникаций приводит людей к взаимопониманию и терпимости. Отождествление коммуникаций удаленного способа лишь с тем, что устраняет разногласия, разрешает коллизии, представляется не более чем иллюзией. Сами по себе нейтральные технологии — мощное орудие как социального сплочения, так и раздробления и энтропии — в зависимости от ситуации и желаемого эффекта. Не стоит недооценивать того, что «технологические особенности Интернета нарушают и даже разрушают естественную структуру коммуникации, которая является отражением архитектуры бытия человека как экзистенции»⁷.

⁵ *Шиенок В. П.* Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. С. 63.

⁶ *Маклюэн М.* Понимание медиа : Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2000. С. 161.

⁷ *Талапина Э. В.* Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 49.

Вовлеченность граждан в диалог с государством с вытекающей отсюда общественной верификацией управленческих и нормотворческих решений — важный маркер открытого правительства. Он применен в программных документах и стратегиях развития IT-государств, какими себя аттестовали в том числе посткоммунистические страны⁸. Однако проблема состоит в том, что большинство государств с переходной экономикой не очень хорошо справляется с этой задачей. Взаимодействие государства с обществом пока не вошло в традицию таких стран. При помощи информационных технологий сокращается бумажный документооборот⁹, улучшаются системное взаимодействие органов государственной власти, качество оказания государственных услуг. Потенциал технологий осваивается в нормотворческом процессе¹⁰, что весьма позитивно. Но нельзя задерживаться только на этом. При всей значимости автоматизации функций органов публичной власти, в общественно-государственном дискурсе переворота не произошло. Этот дискурс меняется точечно.

В доцифровую эпоху коммуникация государства и общества подразумевала не что иное, как правовое взаимодействие заведомо установленных субъектов на основе прямых нормативно-правовых предписаний. «В условиях подавления инициативы от граждан требовалось лишь законопослушание, выбора оптимальных правовых средств и проявления прочих черт высшего уровня активности — деятельности — со стороны граждан не предполагалось, поскольку это зачастую фактически было и вредно для существующего порядка отношений»¹¹. Государство, в первую очередь идентифицирующее себя с субъектом управляющего воздействия, впадает в автономное существование, не испытывает большой потребности в живой связи с обществом как, главным образом, объектом управляющего воздействия. Не будем углубляться в прошлое, хотя особенности нынешней (сетевой) коммуникации государства и общества во многом определяются историей. Прежние стереотипы и мировоззренческие установки настолько крепки и универсальны, что прорастают в цифровой среде.

Мы оказались в доселе немыслимом высокотехнологическом мире, мире «принудительной публичности», имеем дело с какой-то другой реальностью,

⁸ Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021 г. № 66) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022; Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, 4 июня 2019 г. № 7) // URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika> (23.01.2022).

⁹ Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документообороте и электронной цифровой подписи» // Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2022.

¹⁰ Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

¹¹ Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование : дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 47.

хотя она и «не может быть названа Другой, онтологически самостоятельной в полном смысле слова»¹². Цифровая реальность с трудом поддается описанию на понятийном языке известных научных теорий, объективных методов познания. Говорить о большей или меньшей сложности цифровой и обычной реальности не приходится, обычная реальность — все еще загадка для естествознания¹³. Тем не менее реальный мир с присущими ему законами более предсказуем и опытно постигнут.

«До медиального поворота медиареальность была объектом права, но сейчас происходит осмысление того, что право действует в медиареальности, более того — между медиареальностью и правом возникает диалектическая связь: взаимодействие перестает быть односторонним, и право также становится объектом медиареальности»¹⁴. Цифровая реальность обладает внутренне присущими ей законами, имплицитно и эксплицитно влияющими на государство и общество. Обоим приходится осваивать онлайн-способы поведения, пребывать в непривычных для себя условиях, в той или иной степени переживать состояние внутренней реорганизации и даже дезорганизации.

Сети обогащают картину общественных процессов. Будучи движимыми единством интересов и устремлений, люди втягиваются в отношения, с легкостью вырабатывают общий язык, согласуют взаимные действия, решают общие задачи. Социология интуитивно исходит из того, что структурное состояние общественной жизни переопределяется горизонтальными коммуникациями — в этом их созидательная и одновременно разрушительная сила. «Традиционные институты власти не могут эффективно противостоять информационно-электронным коммуникациям и сетевым структурам»¹⁵. Пандемия COVID-19 оборвала многие нити и усугубила ситуацию. «При “коронавирусной” реальности часть традиционных связей и существующих отношений перешла в формат электронного взаимодействия, что повлекло резкий рост информационных правоотношений, поскольку государство вынуждено легализовать такое электронное существование многих сфер общественной жизни»¹⁶.

Найдется немного аргументов, позволяющих отмахнуться от фактов сегментации общества, уплотнения социальных связей, формирования новых персонажей, малых и больших сетевых сообществ. Вновь образованные единицы, локальные группы, ассоциации, структуры обладают разной степенью внутреннего единства, действуют на основе спонтанной организации, по правилам игры, ими же установленным. В условиях «диалога всех со всеми» (Ю. Хабермас) *граждан*

¹² Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. С. 148—149.

¹³ См.: Копейкин К., протоиерей. Что есть реальность. Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014.

¹⁴ Архипов В. В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 153.

¹⁵ Корнев А. В. Сеть между иерархией и энтропией: трансформация власти в эпоху электронно-информационных технологий // История государства и права. 2019. № 8. С. 36.

¹⁶ Минбалеев А. В. Актуальные проблемы информационного права в условиях цифровой трансформации // Информационное право. 2021. № 1 (67). С. 24—25.

перестает удовлетворять позиция пассивных и безучастных наблюдателей происходящих событий. Расширяются зоны гражданской и политической активности, что носит не локальный, а глобальный, общемировой характер. Правда, названной тенденции параллельна углубляющаяся маргинализация общества.

Вслед за этими новыми коннотациями прирастает государство. В матрице цифровой реальности лишается убедительности взгляд на государство как на «всемогущий центр, организатора, распорядителя и охранителя порядка»¹⁷ в силу возможной потери контроля над ситуацией. Отождествление государства с набором управленческих структур, занимающих в том числе воспитательные позиции относительно граждан (в смысле правового просвещения), не дает полноценного представления о действительном положении вещей и уступает место более эвристическим коннотациям государства как живого социального института, партнера общества¹⁸. Государству трудно сохранить свои привычные прерогативы в реальности, стремящейся «исключить иерархию и вертикальные отношения, в рамках которых действует управляющая система, воздействующая на управляемую среду»¹⁹.

Цифровой мир предъявил свои требования к качеству государственного управления. Теперь оно оценивается по критериям прозрачности и публичной отчетности. В глазах общества публичная власть нуждается в особых принципах легитимации. «Развитие Интернета актуализирует новый виток проявлений феномена децентрации, или “сдвига” власти. В онлайн-среде можно видеть некое “перетекание” власти к блогерам; лицам, публикующим секретные материалы; творцам, распространяющим защищенный авторскими правами контент»²⁰.

Реальность действий и взаимосвязей в цифровом мире такова, что теряется возможность их охвата общим правилом. В силу новизны и подвижности общественных отношений на порядок увеличивается уровень сложности их правовой регламентации. Попытка обеспечить вновь возникающие отношения исчерпывающим регулированием приводит к перепроизводству нормотворческих решений. Правовые нормы могут утрачивать привычный регуляторный потенциал. Предельность функциональных способностей права проявляется хотя бы в том, насколько относительно выглядит его воздействие «на некоторые формы накопления и распространения информации»²¹.

Многие современные экономические, социальные и политические проблемы требуют диалога государства и общества или по меньшей мере разговора.

¹⁷ *Исаев И. А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). М. : Проспект, 2021. С. 255.

¹⁸ См.: *Талапина Э. В.* Государственное управление в информационном обществе: правовой аспект. М. : Юриспруденция, 2015. С. 4.

¹⁹ *Усоский В. Н.* Кредитные деньги. Банковская система. IT. Криптовалюты : в 2 т. Минск : МГЛУ, 2020. Т. 1 : Историко-экономическое исследование о природе человека, иерархии общества, сущности ценности и кредитных денег / под ред. В. Ф. Медведева. С. 88.

²⁰ *Белов В. А.* Коммуникационная свобода Интернета и государство // *Коммуникология*. 2015. № 1. С. 46.

²¹ *Войниканис Е. А.* Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 221.

В ситуации принципиального отсутствия такого дискурса формируется питательная среда для социальной напряженности, общество неизменно накапливает протестный ресурс. Как и коммуникацию иных акторов, сетевое взаимодействие акторов, представляющих государство и общество, невозможно загнать в общее русло.

Такая коммуникация достаточно слабо привязана к категориальному значению, реализуемому термином «правовое взаимодействие». В юридическом наречии за словом «коммуникация» нередко закрепляется очень упрощенный смысл, оно прочитывается как донесение искомых сведений до адресата, односторонний процесс передачи/получения информации.

Подобное прочтение хорошо укладывалось в русло привычной юридической догматики. Но если возможные контексты коммуникации общественных и государственных акторов будут исчерпываться правовым взаимодействием, то очень мала вероятность образования пространства доверия, т.е. «общей картины мира у тех, кто объединен в совместном действии»²². Кризис доверия к государству наступает, когда общество лишено права инициировать диалог с государством, а механизмы общественного контроля носят мнимый, декларативный характер.

Как таковую коммуникацию нужно понять с точки зрения взвешенной динамической репрезентации. Суть коммуникации «не в обмене сообщениями, а в совместном творении смыслов ее участниками»²³. Государство настолько научилось обходиться без связи с обществом, что во взаимоотношениях с ним предпочитает идти по накатанному пути.

Для перехода от ритуального, отвлеченно-теоретического общественно-государственного дискурса к живому и полноценному нужны партнерские отношения. Эта сложнейшая задача предполагает для своего решения, помимо всего прочего, высокую степень технологической оснащенности. В то же время технологии — далеко не решающий момент. Помимо цифровой канвы, нужны изменения в структуре, процессах и методах организации работы государственных органов²⁴.

Завершая, отметим, что цифровая реальность не дает государству замкнуться в своем оптикоцентричном пространстве, хотя часто свой диалог с обществом инерционно воспринимает как уравнение, уже решенное. Нынешний способ коммуникации позволяет реализовать такие способы общественно-государственного взаимодействия, которые делают общество (на разных уровнях его стратификации) более причастным к выработке юридически значимых решений, а государство — менее безразличным к тому, чем живет общество, что его волнует.

Общественно-государственное взаимодействие — не самоцель, а, скорее, метод, способствующий рекрутированию граждан на законопослушное социальное поведение, средство укрепления легитимности публичной власти. При правильной настройке плоды технического прогресса подготавливают подходящую почву для согласования воли государства и общества, чтобы напряжение между ними преодолевалось там, где оно есть, и не возникало там, где его нет.

²² Третьяк Г. Е. Кризисные коммуникации — феномен социокультурной действительности. М. : Русайнс, 2021. С. 27—28.

²³ Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис, 2011. С. 138.

²⁴ См.: Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 30.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В.* Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2019.
2. *Бахтин М. М.* Слово в романе. — СПб. : Пальмира. 2017. — 229 с.
3. *Белов В. А.* Коммуникационная свобода Интернета и государство // *Коммунология*. — 2015. — № 1. — С. 42—53.
4. *Вершок И. Л.* Субъект цифровой реальности: теоретико-правовые вопросы // *Информационные технологии и право: правовая информатизация — 2021 : сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского*. — Минск : НЦПИ, 2021. С. 110—115.
5. *Войниканис Е. А.* Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017.
6. *Исаев И. А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). — М. : Проспект, 2021. — 384 с.
7. *Киреева Е. Ю.* Цифровая демократия: мифы и реальность // *Конституц. и муницип. право*. — 2019. — № 7. — С. 29—32.
8. *Копейкин К., протоиерей.* Что есть реальность. Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. — 138 с.
9. *Корнев А. В.* Сеть между иерархией и энтропией: трансформация власти в эпоху электронно-информационных технологий // *История государства и права*. — 2019. — № 8. — С. 24—37.
10. *Леонтович О. А.* Методы коммуникативных исследований. — М. : Гнозис, 2011. — 224 с.
11. *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. — М. : Кучково поле, 2000. — 464 с.
12. *Минбалеев А. В.* Актуальные проблемы информационного права в условиях цифровой трансформации // *Информационное право*. — 2021. — № 1 (67). — С. 23—27.
13. *Панченко В. Ю.* Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016.
14. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. — СПб. : Изд-во РХГА, 2013. — 350 с.
15. *Талапина Э. В.* Государственное управление в информационном обществе: правовой аспект. — М. : Юриспруденция, 2015. — 187 с.
16. *Талапина Э. В.* Права человека в Интернете // *Журнал российского права*. — 2019. — № 2. — С. 41—54.
17. *Третьяк Г. Е.* Кризисные коммуникации — феномен социокультурной действительности. — М. : Русайнс, 2021. — 136 с.
18. *Усоский В. Н.* Кредитные деньги. Банковская система. IT. Криптовалюты: в 2 т. — Минск : МГЛУ, 2020. — Т. 1 : Историко-экономическое исследование о природе человека, иерархии общества, сущности ценности и кредитных денег / под ред. В. Ф. Медведева. — 292 с.
19. *Шиенок В. П.* Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. — 158 с.